

— Её жизни ничего не угрожает. Она просто спит, потому что немного утомилась. Если ты сейчас зайдёшь в комнату, помешаешь её лечению. Ты же не хочешь, чтобы твоя мама медленно выздоравливала, не так ли?

Наконец, сопротивление Роншки ослабло, но он всё ещё был в слезах.

Как Лукас мог утешить ребёнка?

Вздыхнув, он заметил Леона, стоявшего в конце коридора.

— Леон.

— Учитель, — мальчик подошёл ближе. — С ней все в порядке?

Теперь даже его ученик проявил беспокойство за Адель.

— Да, она поправится.

— Слава богу, — кивнув, Леон посмотрел на Роншку. — С ней всё будет хорошо. Учитель никогда не лжёт.

Говоря это, он нежно вытер платком заплаканное лицо Роншки. Казалось, он беспокоился о мальчишке. В конце концов, тот был на два года младше.

«Надо бы его немного откормить».

С этой мыслью Лукас устроился поудобнее в коридоре. Он чувствовал себя необычайно уставшим.

***

Даже после лечения Адель не приходила в себя.

Прошли дни, сначала один, затем два. Несмотря на усердный уход Мадлен, казалось, что женщина погрузилась в глубокий сон и ни на что не реагирует.

Естественно, Роншка не отходил от матери ни на шаг.

— Тебе нужно что-нибудь съесть.

В то время как другие беспокоились или пытались накормить Роншку, он оставался рядом с матерью, даже не выходя в туалет. Мальчик верил, что разлука с мамой, пусть и на мгновение, может привести к чему-то ужасному.

Через несколько дней Мадлен, измученная, задремала под тёплым солнечным светом. Роншка, который старательно присматривал за Адель, вместо неё нерешительно взял мать за руку, после того как некоторое время нервно перебирал пальцами.

— Мама.

«Дело не в том, что ты не хочешь просыпаться, правда? Доктор сказал, что всё в порядке, так почему же ты никак не очнёшься?»

Роншка прижался лицом к руке матери. Тёплые слёзы потекли по нежной коже Адель.

— Мама.

Слёзы не прекращались. Мир без матери не имел для Роншки никакого значения.

— П-пожалуйста, вернись ко мне!

«Иначе я последую за тобой».

Удалось ли Роншке проявить искренность? Рука Адель, бывшая до сего момента вялой, наконец-то начала двигаться. Её веки, которые до этого были сомкнуты, медленно открылись.

— Роншка?

— Мама! — Роншка засиял от радости. Женщина, нежно улыбаясь, притянула его к себе и поцеловала в лоб.

Адель сияла, свет становился всё ярче, пока она не растворилась в мерцании.

— Мама! — Роншка испуганно вскрикнул и резко открыл глаза. Хватая ртом воздух, он огляделся и увидел, что его мать ещё спит. Всё это оказалось лишь сном. Неудивительно, что в момент её пробуждения он не заикался.

Чувствуя несвойственную ему опустошённость, Роншка всхлипнул сквозь слёзы.

— Так не пойдёт.

Несмотря на голос Лукаса, раздавшийся сзади, мальчик не обернулся. Вместо этого он боролся с тянущими его цепкими руками.

— Н-нет, нет!

— Иди сюда.

Лукас, подняв все ещё сопротивляющегося Роншку, направился в столовую. Он силой усадил мальчика и поставил перед ним тарелку с супом.

— Съешь немного.

— Я-я не хочу.

«Мне нужно идти к маме».

Роншка снова попытался встать со своего места, но Лукас толкнул его обратно.

— Ешь. Тебе нужно хорошо питаться, чтобы оставаться здоровым.

— П-п-почему?

Лукас терпеливо объяснил причину:

— Как думаешь, мама хочет увидеть тебя таким худым, когда проснётся? Или ей это не понравится?

Услышав это, Роншка вспомнил Адель, хвалившую его всякий раз, когда он с аппетитом ел. Мальчик, плотно сжав губы, взял тарелку с супом обеими руками. Затем, несмотря на то что суп был ещё горячим, он жадно выпил его одним махом.

— Я-я доел его!

— Ты ведь мог обжечь рот!

Лукас был встревожен и пытался вызвать врача, но ребёнок всё равно хотел пойти к своей маме и двигал ножками в том направлении.

— Теперь я могу идти?

— После того, как умоешься.

Взволнованный мальчик бросился в ванную, а затем побежал в комнату своей мамы, как только были произнесены слова «всё готово».

Лукас, пытавшийся поймать ребёнка, в конце концов вздохнул и убрал руку.

***

Она пребывала в глубоком сне. Да и можно ли было назвать это сном? Нет, ведь это происходило на самом деле, хотя и казалось, что она была в прошлом.

Ей хотелось, чтобы это было осознанным сном или вроде того. По крайней мере, тогда чувство вины было бы меньше. Адель, несомненно, была самой собой. Как до этого дошло? Разве этот мир не роман?

Одна глупая ночь привела к появлению ребёнка.

На первых месяцах беременности каждое её движение было осторожным, и она с любовью пела малышу песни. Люди вокруг перешептывались о поведении Адель, но с ней всё было в порядке.

Мать Адель скончалась ещё до рождения внука. Перед смертью она сказала:

— Мне следовало предостеречь тебя. Если бы я только сказала, как тяжело растить ребёнка в одиночку.

Это были её последние слова. И они оказались правдивыми.

Были времена, когда Адель думала:

— Если я хорошо воспитаю ребёнка, то однажды этот мужчина вернётся.

Но по мере того, как рос мальчик, росла и тревога внутри женщины.

«Почему Роншка такой необычный? Почему не похож на других детей? Почему он использует эту странную силу?»

Она всё больше боялась сына.

Адель, родившая ребёнка, личность которого вызывала сомнения, столкнулась с неприятием в деревне. И способности Роншки привлекли всеобщее внимание. Возможно, именно по этой причине она не могла проявлять по отношению к нему любовь, хотя и понимала, что должна это делать. Испытывая отвращение к себе, она обнаружила, что во всём винит мальчика. И в процессе этого он пострадал.

Адель корчилась в агонии. Но болели вовсе не физические раны.

Это была эмоциональная боль от шрамов, нанесённых ребёнку в дни невежества. И, даже не имея на то прав, женщина прижала руки к груди и заплакала. Молчание о несправедливом отношении Лукаса к ней было следствием её ошибок. Она была виновна и заслуживала этой боли.

«Но правильно ли это?» — пришла в голову ей внезапная мысль.

Адель была для Роншки всем. Даже если это была ошибочная привязанность, факт оставался фактом. Если бы нынешняя Адель ушла первой, разве Роншка не страдал бы? Не станет ли он несчастным, как предопределено судьбой?

С такими мыслями она не могла опрометчиво оставить сына. Она приняла решение.

«Когда Роншка немного подрастёт и сможет отличить настоящую привязанность, когда придёт время, когда мое присутствие больше не понадобится, каким бы оно ни было, тогда я уйду».

***

Адель медленно открыла глаза. Подняв отяжелевшие веки, прямо перед собой она увидела заплаканное лицо Роншки.

— М-мама!

— Рон... шка.

— М-м-мама!

— Да.

Адель потянулась к сыну, у которого было такое выражение лица, словно он хотел немедленно броситься к ней.

«Ничего страшного, если ты возьмёшь меня за руку. Эта рука больше не причинит тебе боли.

Ничего страшного, что ты в моих объятиях. Я больше не буду отталкивать тебя».

— Моё любимое дитя.

Женщина крепко обняла Роншку и слабо улыбнулась.

***

Адель проснулась, и её восстановление пошло полным ходом.

Ей захотелось немедленно встать и помочь по хозяйству, но суровое выражение лица старшей горничной Мадлен остановило её.

— Доктор сказал, что вам следует ещё немного полежать в постели. Пожалуйста, прилягте.

Адель не могла спорить с непреклонной горничной.

— И ешьте побольше. Что тут у нас?

Затем она подала ей коричневатую кашу с чем-то неопределённым, похожим на мясо, настаивая, что всё это полезно, хотя не очень вкусно.

— Ну, как? Сносно ведь? Это благотворно влияет на организм, знаете ли.

— Благотворно для организма?

— Да. Там есть ингредиенты, которые трудно найти. Они особенно обогащены витаминами. Так что, пожалуйста, съешьте всё.

Борясь с рвотными позывами, Адель проглотила всю кашу по настоянию Мадлен. Несколько раз она чуть не расплакалась, но сдержалась. Если её трудно достать, значит, она дорогая.

Наблюдая за тем, как Адель старательно ест, Роншка тоже продемонстрировал хороший аппетит после долгого перерыва.

Лукас также навестил её однажды, пока Адель всё ещё соблюдала постельный режим. По случайному совпадению, Роншка и Мадлен в тот момент находились в ванной, на которую женщине пришлось долго уговаривать сына.

Мужчина так пристально смотрел на неё, что казалось, будто он хотел что-то сказать. После

продолжительного молчания он заговорил:

— Я скоро начну учить Роншку.

Кажется, Адель поняла, о чём шла речь.

Мальчик не отходил от неё с тех пор, как она проснулась. Он хотел поесть вместе, потому спешно принял ванну, в результате чего Адель пришлось как следует вытереть его полотенцем за ушами.

Таким был Роншка. Вероятно, он делал то же самое, даже когда Адель спала.

— Я обязательно скажу Роншке, чтобы он хорошо посещал уроки.

При этих словах Лукас нахмурился. Он бросил быстрый взгляд на ногу Адель, прежде чем кивнуть и выйти из комнаты.

«Он хотел ещё что-то сказать?»

Женщина склонила голову набок, а затем снова села. Постель была гораздо мягче, чем та, набитая соломой, на которой она привыкла спать в маленькой деревне, но на душе у неё было беспокойно.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/76509/3802910>